

Пожар бушевал всю ночь, уничтожив дотла и духовные поля, и весь урожай.

Утром взошло солнце, залив окрестности ярким, слепящим светом. Но над горой Сяоцан висела мрачная, гнетущая тень.

Оставшиеся семеро слуг забросили свои обязанности. С удручёнными лицами они толпились у самого края выгоревших угодий, тщетно пытаясь отыскать в ещё тёплом пепле хотя бы пару уцелевших колосьев с духовным рисом.

Ничего.

Без должного полива духовный рис Яньчжи гибнет моментально. Восемь десятых всех посевов высохли до состояния соломы и в пламени обратились в черную труху.

Кое-где ещё попадались обугленные стебли, сохранившие прежнее подобие формы. Но не успевал нашедший обрадоваться, как пальцы, коснувшиеся колосьев, нащупывали лишь пустую шелуху.

Сгоревшая дочерна сухая оболочка — а внутри ни зернышка!

Ни единого!

Полчаса они шарили в золе, но так ничего и не нашли. Измазанные сажей с ног до головы, батраки бессильно опустились на межу, не зная, то ли плакать, то ли выть от досады.

Сгори лишь сектовские уголья, они бы так не убивались. Но в том-то и беда, что в огне погиб и их собственный урожай!

Все эти батраки находились на стадии Концентрации Цзи. Шестидесяти духовных камней, что выплачивала им гора Сяоцан за год работы, не хватало ни на что. На эти гроши нельзя было даже наскрести на пропитание, не говоря уж о том, чтобы отложить на пилюли для культивации или скромные артефакты.

Как быть, если духовного риса не хватает? Выход один — выращивать самому.

В своё время Гу Янь выслушал их жалобы и разрешил каждому завести по две му земли подле сектовских полей, чтобы сажать духовный рис Яньчжи. Взамен от слуг требовалась лишь помощь во время сева и жатвы.

Получить две му земли практически даром, приложив совсем немного сил, — кто бы отказался? Все тогда сияли от счастья, дружно принялись за работу, наскребли из личных запасов духовных камней и закупили семена.

А присматривать за посевами в обычные дни поручили Чэнь Аню, ведавшему полями.

— Как же так?.. — у Лю Эра покраснели глаза.

Их наделы располагались по самому краю, и пологий огонь не должен был нанести им большого вреда. Однако после долгих поисков они не нашли ни единого колоска!

Всюду торчали лишь высохшие, будто сорная трава, стебли.

Все до единого!

— Этот собачий сын Чэнь Ань точно забывал поливать землю! — Дин Лю, вытирая со лба пот измазанной в саже рукой, яростно забранкался: — Духовный рис Яньчжи как раз наливался! Без воды завязь гибнет! Как он смел так халатно относиться к посевам?! А я-то, дурак, когда старший брат-наставник его наказывал, пожалел этого гада и тайком сунул ему пару паровых булочек!

— И надо же было старшему брату его не до смерти забить!

— Собаке — собачья смерть! Надобно было оставить его гнить на том колене!

Когда наделы только расчистили, Дин Лю отдавал им все силы. Каждый день, закончив с основными делами, он на последнем дыхании приплетал на задний двор проверить посевы.

Но время шло, усталость накапливалась.

Заметив, что Чэнь Ань под строгим надзором старшего брата-наставника отлично справляется с работой, Дин Лю расслабился. Зачем ежедневно таскаться на задний склон, если все и так в порядке?

Он жил на горе Сяоцан уже больше десяти лет и привык приходить на поля только во время сева да сбора урожая, в остальное время полностью полагаясь на Чэнь Аня. А высвободившиеся часы куда приятнее было посвятить медитациям.

Кто же мог помыслить, что...

У этого пса Чэнь Аня хватит наглости спалить их поля!

— Проклятый выродец!

— Вшивый лентяй! Только и знал, что витать в облаках да бредить бессмертием! Взял бы да

посмотрел в лужу, достоин ли он вообще такой доли!

— Вот именно! Наш старший брат с единичным духовным корнем — и тот с утра до ночи крутится, заботясь о младших! А этот никчёмный мусор со смешанными корнями жалел сил за свои же деньги и только и думал, как бы поудобнее уклониться от работы да попользоваться чужим!

Остальные поддержали его, изощряясь в ругательствах.

Да только толку-то? Виновник уже испустил дух.

Его не побьешь, кости его на духовные камни не обменяешь, убытки не возместишь. Оставалось лишь в бессильной злобе сидеть на меже и проклинать покойника. Какими бы ядовитыми ни были слова, потерянные камни это не возвращало, а грудь распирало от глухой, отравляющей обиды.

Пока кто-то тихо не проронил:

— Эх... Прогнал бы его тогда старший брат-наставник с горы, ничего бы не случилось.

Все замерли. Вдруг до каждого дошло.

И впрямь!

На всей горе Сяоцан не найдется человека надежнее Гу Яня.

Прогони он тогда Чэнь Аня, уж наверняка приставил бы к полям толкового работника. И рис бы налил соком, и пожара бы не произошло.

А почему Чэнь Ань вообще остался?

Слуги переглянулись.

Ведь это Линь Чжэньчжэнь умолил Преподобного Цинъяна вступить за него!

В тот день, глядя, как Гу Янь выгоняет Чэнь Аня, батраки из цеховой солидарности втайне роптали на суровость старшего ученика. А углядев, как Линь Чжэньчжэнь просит за провинившегося, искренне восхитились его добротой и мягкостью, почувствовав к нему невольную симпатию.

Именно такими мелкими уловками Линь Чжэньчжэнь шаг за шагом склонял на свою сторону

обитателей горы Сяоцан.

Но теперь, когда поджог уничтожил их уголья, лишив их половины честно заработанных за год средств, от прежней симпатии не осталось и следа. Слуги не только проклинали разбившегося насмерть Чэнь Аня, но и затаили глубокую обиду на Линь Чжэньчжэня, который за него заступился.

Потому, когда перед Преподобным Циньяном пришлось держать ответ, в речах слуг невольно проскользнула желчь:

— Огонь бушевал слишком сильно, большая часть урожая сгорела. А на уцелевших стеблях нет ни единого зернышка... Видать, Чэнь Ань совсем забросил работу и не поливал землю, оттого духовный рис Яньчжи и высох на корню.

Отчитывавшийся батрак говорил с тяжким сердцем.

Краем глаза он заметил Линь Чжэньчжэня, стоящего за спиной Учителя — наряженного, ухоженного, будто произошедшее его ни капли не касалось. Ну еще бы! Линь Чжэньчжэнь — выходчик из богатого клана, у него и денег, и свободного времени в избытке, да ещё Учитель со старшими братьями пылинки с него сдувают.

Разве сравняться с ними жалким слугам, выбивающимся из сил ради горстки медяков?

Откуда барину знать, каково это — полгода гнуть спину, а потом в один миг потерять всё скопленное!

Гнев захлестнул слугу, и он не сдержался:

— Младший брат-наставник Линь ведь ручался, что Чэнь Ань будет прилежно ухаживать за полями и больше не допустит ни единой промашки?

Тогда, в обеденный час, Линь Чжэньчжэнь заверял в этом Гу Яня на глазах у всей столовой. Все слуги тому свидетели!

Слыша прямое обвинение, Линь Чжэньчжэнь побледнел:

— Я...

Он и подумать не мог, что Чэнь Ань после столь жестокого наказания посмеет так халатно отнестись к работе и навлечет на него беду!

От обиды его глаза мгновенно налились слезами, и по щекам покатались крупные капли.

Преподобный Цинъян тяжело вздохнул.

Хоть гибель духовного риса Яньчжи и невозможность выплатить слугам обещанное жалованье повергли его в уныние, отчитывать Линь Чжэньчжэня он не захотел.

Сменив тему, Преподобный спросил:

— А можно ли засеять поля заново?

Слуга печально качнул головой:

— Нет. Бушующий пламень уничтожил жизненную силу духовной формации. Года два теперь здесь ничего не вырастет... Разве что... — Он запнулся. — Разве что старший брат-наставник применит «Технику Возрождения Тысячи Деревьев», чтобы снова собрать духовную цзи и вернуть полям прежнее плодородие.

При этих словах Преподобный Цинъян омрачился ещё пуще.

Гу Янь ушел в медитативное уединение, и никто не ведал, когда он изволит выйти, чтобы восстановить земли.

А без полей им не видать даже духовного риса на пропитание.

Теперь ему предстояло ломать голову не только над подарком для Нин Шуанфэна, но и над тем, на что вообще жить горе Сяоцан.

Окончательно растерявшись, Цинъян вздохнул.

Гу Янь уединился всего два дня назад, а он уже успел по нему соскучиться.

Преподобный понимал, что урожая не будет, но никак не ожидал, что запасы истощатся настолько быстро.

Посмотрев на поднос, поставленный перед ним, Цинъян лишился дара речи.

— Что это такое?

Обычный белый рис и тушеные овощи.

Там не то что духовной энергии — даже капли масла не наблюдалось!

Дин Лю, опустив голову, пробормотал:

— В столовой кончился духовный рис.

Гора Сяоцан сама выращивала духовный рис Яньчжи и никогда его не докупала. Напротив, после каждого сбора урожая часть оставляли на пропитание, а излишки продавали, выручая духовные камни.

Прошлогодных запасов должно было хватить с лихвой. Но Линь Чжэньчжэнь обожал печь изысканные сладости, переводя на свои кулинарные эксперименты невероятное количество духовного риса и сахарной пудры.

К середине года запасы заметно скудели.

Тогда старший брат-наставник стал регулярно наведываться на гору Заходящего Солнца на охоту. Мясо добытых им духовных зверей содержало куда больше духовной энергии, чем рис, и вполне заменяло привычные трапезы.

Так они и протянули до сего дня, пока духовный рис не кончился окончательно.

Простой белый рис с овощами — обычная еда слуг, когда заканчивается духовная пища. Дин Лю не смел выказать неуважение к Преподобному, но подать ему было попросту нечего.

Как говорится, без муки хлеба не испечешь.

Раз в столовой нет духовного зерна, то и каши из него не сваришь. Послушав объяснения, Преподобный Цинъян сокрушенно махнул рукой:

— Ладно, иди.

Когда Дин Лю вышел, Цинъян долго молча смотрел на скромную стряпню. В конце концов он поднес к губам палочки и отправил в рот кусочек зелени.

Вкус оказался отвратительным, рот обволокло горькой примесью нечистот.

Точно сырого песка наелся! Преподобный тут же с брезгливостью выплюнул дрянь и схватил пиалу с чаем, чтобы прополоскать рот. Но напиток оказался холодным, терпким, со странным тинистым оттенком — пить его было решительно невозможно.

Он вновь окликнул Дин Лю:

— А с чаем что за беда?!

Дин Лю смиренно пояснил:

— Преподобный, прежде ваш чай заваривали на воде из духовного источника, за которой старший брат-наставник специально ездил за сотню ли. Нынче та вода выпита, так что пришлось брать обычную, из горного ключа.

На самом деле Дин Лю считал горный родник весьма сладким и свежим.

Да только изнеженный язык Преподобного Цинъяна давно разбаловал старший ученик. Цинъян привык вкушать лишь драгоценный духовный рис Яньчжи, пить чай на чистейшей воде из духовного источника, да из самых нежных почек, сорванных с кустов ранга Сюань и обработанных лучшими мастерами.

Одному богу ведомо, скольких трудов стоило Гу Яню всё это добывать!

Однако вот уже два месяца, как старший брат перестал пополнять запасы.

Израсходовав последние излишки, слуга был вынужден готовить из того, что имелось под рукой.

Преподобный Цинъян остолбенел:

— Ты хочешь сказать, что весь этот чай... для меня доставал Янь-эр?

Дин Лю кивнул:

— Именно так.

«А то кто же? — про себя удивленно подумал слуга. — Разве отборный чай и чистейшая вода могли сами собой прилететь в столовую? Да и вообще, разве на горе Сюань хоть что-то делалось без участия старшего брата?»

Преподобный Цинъян помрачнел:

— Свободен.

Стряпню из столовой Преподобный есть не смог. Посидев немного у себя, он поднялся и бесцельно побрел по тропинкам горы Сяоцан.

Ноги сами привели его к скромному дворику Гу Яня.

Коснувшись деревянной ограды, Цинъян со вздохом произнес:

— Учитель и не подозревал, сколь о многом ты пекся, Янь-эр... Прости меня, я был к тебе слеп и несправедлив.

Внутри домика Гу Янь, только что завершивший очередной круг циркуляции духовной энергии, медленно открыл глаза.

Он знал, что Учитель стоит за дверью. Слышал он и его запоздалое извинение.

Вот только открывать дверь у него не было ни малейшего желания.

<http://bllate.org/book/19602/1934204>